

Нѣсколько писемъ Ф. Д. Самарина къ свящ. П. А. Флоренскому.

Не задаваясь сейчасъ разсказомъ о знакомствѣ съ Θεодоромъ Дмитріевичемъ Самаринимъ, я намѣренъ въ этихъ замѣткахъ, предпосылаемыхъ нѣсколькимъ письмамъ его, дать лишь краткія поясненія, безъ которыхъ содержаніе писемъ могло бы быть непонятнымъ.

Обстоятельства написанія перваго письма таковы:

Въ одномъ изъ разговоръ съ Михаиломъ Александровичемъ Новоселовымъ, бывшемъ въ началѣ іюня 1912-го года, Θεодоръ Дмитріевичъ выразился благосклонно объ одной изъ моихъ статей, о какой именно—сейчасъ не могу вспомнить, и при этомъ что-то спрашивалъ у Михаила Александровича относительно изданной мною „Службы Софіи Премудрости Божіей“¹. Вопросъ Θεодора Дмитріевича я понялъ какъ желаніе получить эту „Службу“ и, конечно, поспѣшилъ исполнить таковое. Книжка была послана съ надписью, въ которой я выражалъ Θεодору Дмитріевичу свое удовольствіе по поводу его одобренія. Повторяю, уже сказанное ранѣе, что одобреніе Θεодора Дмитріевича было донинѣ и, надѣюсь, до конца дней моихъ будетъ однимъ изъ дорогихъ мнѣ поощреній въ трудѣ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросахъ, и притомъ существенныхъ, я не скрывалъ своего разномыслія или, быть можетъ, разнвыраженія съ Θεодоромъ Дмитріевичемъ, и даже подчеркивалъ линіи нашихъ расхожденій.

Разумѣется, на написанныя, и притомъ на книжкѣ, нѣсколько словъ я не ждалъ отвѣта и полагалъ, что если

¹) „Богословскій Вѣстникъ“, 1912, февраль—отдѣльн. оттискъ, Свято-Троицкая Сергіева Лавра, лѣта 1912.

Феодоръ Дмитріевичъ и заговорить о „Службѣ Софіи“, то лишь при личной встрѣчѣ, осенью; да мнѣ и не думалось, чтобы богословскіе и философскіе вопросы нашего времени, исходящіе, всѣ—можно сказать, изъ основной идеи о Софіи и вновь къ этой идеѣ приводящіе, лежали въ предѣлахъ духовныхъ интересовъ Феодора Дмитріевича, такъ что я былъ убѣжденъ, что „Служба Софіи“ будетъ внутренно незамѣчена имъ. Къ удивленію моему, скорѣ же было получено мною слѣдующее письмо:

I.

29 іюня 1912 г.

Сестротѣцкъ, Петерб. губ.

Приморскій просп. 19/А.

Досточтимый отецъ Павелъ!

Большой и неожиданной радостію для меня было получение изданной Вами книги съ незаслуженной мною любезной надписью; отъ всей души благодарю Васъ за этотъ прекрасный подарокъ. Когда-то, вслѣдствіе бесѣдъ съ покойнымъ В. С. Соловьевымъ, я старался собрать свѣдѣнія о сохранившихся въ нашихъ храмахъ рукописныхъ службахъ Софіи Премудрости Божіей и узналъ, что такая рукопись имѣется между прочимъ въ Москвѣ въ Софійской церкви, что на Лубянкѣ. Къ сожалѣнію, мои розыски на этомъ и остановились, такъ какъ я былъ отвлеченъ въ другую сторону. Теперь эту самую службу я получаю отъ Васъ въ печатномъ видѣ. Чтеніе ея во многомъ уяснило мнѣ таинственное ученіе о Софіи и укрѣпило меня въ мысли, что ученіе это не есть созданіе философскаго умозрѣнія, а плодъ живого церковнаго сознанія.

Еще болѣе, чѣмъ прежде, жалѣю теперь, что въ свое время не слышалъ того, что Вы какъ-то читали на одномъ изъ собраній нашего кружка въ домѣ Корнилова². О статьяхъ Вашихъ, напечатанныхъ по тому же предмету въ Богослов-

²) Рѣчь идетъ о собраніи „Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія“, по-просту называемаго то „Самаринскимъ“, то „Новоселовскимъ“, на которомъ мною, въ домѣ Ал-дра Ал-дровича Корнилова, былъ читанъ докладъ объ идеѣ Софіи, Премудрости Божіей.

скомъ Вѣстникѣ³, я до сихъ поръ ничего не зналъ и теперь достану ихъ непременно и прочитаю съ особымъ вниманіемъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода въ свѣтъ новаго полного изданія Вашего большого труда⁴. Отдѣльныя его части, сообщенныя мнѣ въ оттискахъ Михаиломъ Александровичемъ⁵, я читалъ; нѣкоторыя изъ Вашихъ [мыслей? *пропущено слово*. И. Ф.] оказались недоступными для меня, но все, что я понималъ, произвело на меня самое благотворное дѣйствіе, и я радъ, что могу это засвидѣтельствовать Вамъ и принести Вамъ глубочайшую благодарность. Перечитать теперь Вашу книгу съ новыми дополненіями и разъясненіями будетъ для меня большимъ счастьемъ.

Добрыя слова, коими Вы сопровождаете Вашъ дорогой подарокъ, я чрезвычайно цѣню, но считаю себя обязаннымъ сдѣлать по поводу сказаннаго Вами небольшую оговорку. Я съ никогда не рѣшился выразить Вамъ одобреніе и поощреніе къ труду: на это я не имѣю нравственнаго права. Если Вы имѣете въ виду написанное мною о Васъ Михаилу Александровичу, то это былъ лишь обращенный къ нему лично отвѣтъ на выраженныя имъ мысли.

Пишу эти строки въ день памяти свв. Петра и Павла и, полагая, что это день Вашего Ангела, прошу Васъ принять отъ меня по этому случаю самыя искреннія поздравленія и горячія пожеланія всего лучшаго.

Усердно Вамъ кланяюсь и еще разъ благодарю.

Глубоко Васъ уважающій и душевно Вамъ преданный

Федоръ Самаринъ.

Сколько помнится, въ отвѣтъ на это письмо я писалъ Теодору Дмитриевичу, что я, конечно, не могу отнести къ себѣ его снисходительную оцѣнку моихъ опытовъ и понимаю ее только какъ своеобразный авансъ, даваемый ради поощренія. Далѣе я писалъ, что меня чрезвычайно радуешь

³) „Софія. (Изъ писемъ къ Другу)“ (Богословскій Вѣстникъ, 1911 г., Май и Іюль-Августъ).

⁴) „Столпъ и Утвержденіе Истины“, М., 1914 г.

⁵) Новоселовымъ.

интересъ Θεодора Дмитріевича къ идеѣ Софіи Премудрости Божіей, ибо эта идея, по моему убѣжденію, опредѣляетъ русское религиозное сознаніе въ самыхъ его истокахъ, и въ ней именно—глубочайшая основа его своеобразія. Въ добромъ отношеніи ко мнѣ Θεодора Дмитріевича, писалъ я, мнѣ хотѣлось бы видѣть дорогое для себя указаніе на связь своихъ убѣжденій со славянофильствомъ; идейная безродность и культурное самочиніе представляются мнѣ наиболѣе нежелательными, ибо необходимо связывать настоящее съ прошлымъ непрерывною нитью преемства.—Таковъ былъ смыслъ моего письма. Послѣ того переписка естественно прекращалась. Но неожиданно получился отвѣтъ. Вотъ онъ:

II.

Сестрорѣцкѣ.

24 августа 1912 г.

Московскій адресъ:

Поварская 38.

Премного виновать я предъ Вами, глубокочтимый отецъ Павелъ, что такъ замедлилъ отвѣтомъ на письмо, которымъ Вы мнѣ доставили большую радость. Я чрезвычайно цѣню Ваше вниманіе и душевно благодарю Васъ, что среди спѣшной и утомительной работы Вы нашли время для бесѣды со мной. Мнѣ хотѣлось отвѣтить Вамъ возможно обстоятельно и потому я изо дня въ день откладывалъ письмо къ Вамъ, чтобы заняться имъ на досугѣ; но вышло по пословицѣ: „cras, cras et semper cras, et sic consumitur aetas“; въ данномъ случаѣ закончился или заканчивается срокъ моего пребыванія въ Сестрорѣцкѣ. Я ѣду завтра въ Москву и, не желая далѣе откладывать письмо къ Вамъ, изъ опасенія, что въ Москвѣ и въ деревнѣ мнѣ съ начала не удастся вести переписку, посылаю Вамъ эти строки только за тѣмъ, чтобы сказать Вамъ: простите мою неисправность и не примите ее, Бога ради, за равнодушіе. Я счастливъ, что вступилъ въ нѣсколько болѣе близкое общеніе съ Вами и, если это случилось отчасти по милости Михаила Александровича⁶, то великое ему за это спасибо.

⁶) Новоселова.

Но добрѣйшій Михаилъ Александровичъ повидимому все таки не совсѣмъ точно передалъ Вамъ то, что я говорилъ ему о Вашей книгѣ. Какъ я писалъ уже Вамъ раньше, я не считаю себя въ правѣ дѣлать оцѣнку такихъ трудовъ, какъ Вашъ, ибо въ области философіи я совершенный невѣжда и неспособенъ разбираться въ вопросахъ отвлеченныхъ. Я только говорилъ Михаилу Александровичу, что Ваше сочиненіе (или вѣрнѣе, тѣ его части, которыя мнѣ удалось прочитать), поскольку оно доступно моему пониманію, произвело на меня самое глубокое и благотворное впечатлѣніе *нравственнаго свойства* и что я давно нѣ испытывалъ того, что испыталъ при чтеніи Вашей книги.

Не умѣю Вамъ передать, какъ меня радуетъ то, что Вы пишете о славянофильствѣ и о Вашемъ отношеніи къ нему. Вы совершенно вѣрно, думается мнѣ, опредѣлили значеніе славянофильства въ умственной жизни нашего общества. Его сила, конечно, въ томъ, что оно было первымъ яркимъ проявленіемъ русскаго народнаго самосознанія. Только теперь начинаютъ это понимать и потому только теперь настааетъ пора для правильной оцѣнки того, что высказано и сдѣлано славянофилами. Однако и теперь, къ сожалѣнію, мало еще людей, способныхъ, напримѣръ, вполне освоиться съ мыслью Хомякова и судить о ней самостоятельно. Съ этимъ не справился и Бердяевъ⁷⁾, не смотря на то, что онъ, видимо, исполненъ сочувствія къ Хомякову и посвятилъ не мало труда на его изученіе. А Гершензонъ⁸⁾, при всемъ своемъ литературномъ талантѣ и при всемъ проявляемомъ имъ интересѣ къ славянофильству,—родоначальника этого направленія совсѣмъ знать не хочетъ, а если бы даже зналъ, то, видимо, и понять въ немъ ничего бы не могъ.

Нечего говорить Вамъ, что я глубоко сочувствую Вашей мысли о значеніи преданія въ умственной жизни и Вашему отрицательному отношенію къ „самочинности“ въ культурѣ. Огорванная отъ преданія дѣятельность единичной личности, даже выдающейся по дарованіямъ, бываетъ большею частью бесплодна; это мое глубокое убѣжденіе. Въ этомъ я ви-

7) Разумѣется монографія Н. А. Бердяева „Хомяковъ“, М., 1912 г. изданная книгоиздательствомъ „Путь“ въ серіи „Русскіе мыслители“.

8) Михаилъ Осиповичъ Гершензонъ.

жу причину того наблюдаемаго у насъ нерѣдко явленія, что люди талантливые, образованные и способные къ труду не оставляютъ въ умственной жизни глубокаго слѣда. Культурныя преданія у насъ, если не отсутствуютъ, то крайне слабы, а къ тому же отдѣльная личность у насъ постоянно стремится къ полной независимости отъ нихъ и этимъ губить свое дѣло. Характернымъ примѣромъ можетъ служить, по моему К. Д. Кавелинъ.

Признавая свое духовное родство съ Хомяковымъ и его ближайшими друзьями, Вы, конечно, ничуть не жертвуя своей самостоятельностью, примыкаете къ тому умственному теченію, которое оказалось наиболѣе здоровымъ и жизнеспособнымъ изъ всѣхъ нашихъ, такъ называемыхъ, направленій. Казалось еще недавно (и многіе въ этомъ были искренно убѣждены), что славянофильство давно умерло, погребено и не воскреснетъ. Теперь даже люди совсѣмъ другого склада мыслей не рѣшаются это утверждать; напротивъ, у этихъ самыхъ „отпѣтыхъ“ славянофиловъ ищутъ и находятъ многое такое, что оказывается пригоднымъ для возрожденія духовной жизни въ наше время, исполненное всякаго рода разочарованій. Это оправдавшее себя, такимъ образомъ, могучее теченіе когда-нибудь вынесетъ насъ, я твердо вѣрю, изъ того круговорота, которымъ мы захвачены и который грозитъ намъ духовной гибелью.

Хотѣлъ еще обратиться къ Вамъ за кой-какими разъясненіями того, что Вы пишете о значеніи „Софіи“ для русской жизни, но письмо мое и такъ ужъ слишкомъ разрослось: листъ кончился, да и времени осталось мало. Поэтому позвольте побесѣдовать объ этомъ важномъ предметѣ въ другой разъ. Разставаясь пока съ Вами, еще разъ благодарю Васъ и прошу не вмѣнить мнѣ въ вину мое продолжительное молчаніе.

Глубоко уважающій Васъ и душевно Вамъ преданный

Теодоръ Самаринъ.

Таково письмо Θεодора Дмитріевича. Но каково же было мое удивленіе, когда черезъ четыре дня я опять получилъ письмо за подписью Θεодора Дмитріевича. Письмо это незначительно по содержанію, но такъ выразительно для

Феодора Дмитриевича, что я считаю поучительнымъ привести и его:

III.

Москва 1812 г. 28 Авг.
Поварская 38.

Опять не знаю какъ извиниться передъ Вами, глубоководный о. Павелъ! Передъ отъѣздомъ изъ Сестрорѣцка я написала Вамъ письмо въ отвѣтъ на Ваше, давно мною полученное; но опуская конвертъ въ почтовый ящикъ вмѣстѣ съ цѣлой кипой другихъ писемъ, не обратилъ вниманія, что нѣкоторыя изъ нихъ (въ томъ числѣ и адресованное къ Вамъ) были безъ марокъ. Вѣроятно оно все таки дойдетъ, но съ Васъ взыщутъ въ двойномъ размѣрѣ почтовый сборъ. Очень это мнѣ досадно и совѣстно! Становлюсь все болѣе безпаметливъ на всѣ житейскія мелочи. Простите великодушно.

Глубоко Васъ уважающій и душевно Вамъ преданный

Федоръ Самаринъ.

Послѣ того, бесѣды наши происходили устно. Очень жаль, что не было своевременно записано содержаніе разговоровъ того времени, наиболѣе горячихъ и существенныхъ, касавшихся по преимуществу вопросовъ догматическихъ и каноническихъ.—Зимомъ 1913 г. Федоръ Дмитриевичъ былъ избранъ въ почетные члены Московской Духовной Академіи,—какъ гласить официальная формулировка, „во вниманіе къ дѣятельности на пользу Св. Церкви какъ путемъ литературнымъ, такъ и прямымъ участіемъ въ работахъ Предсоборнаго Присутствія“. Въ апрѣлѣ того же года, лишь только дозволили погода и здоровье, Федоръ Дмитриевичъ пріѣхалъ въ Посадъ, лично благодарить Преосвященнаго Феодора, Ректора Московской Духовной Академіи, и сдѣлать визиты членамъ корпораціи.—Меня онъ не засталъ дома, оставилъ карточки и, на всякій случай, поручилъ сказать мнѣ о его пріѣздѣ. Помнится, это было въ Фомино воскресенье, т. е. слѣдовательно 21 апрѣля. Возвращаясь домой изъ церкви, я узналъ отъ извозчика, возившаго его ко мнѣ, о нахожденіи его въ Новой Лаврской гостинницѣ и направился туда. Съ первыхъ же словъ свиданія, завязался живой разговоръ о

тайнствахъ,—продолженіе бесѣды, начатой когда-то въ Москвѣ. Поясняя свою мысль, я сослался на св. артось. Тутъ Θεодоръ Дмитріевичъ съ благоговѣніемъ беретъ со стола свертокъ: „Вотъ, какъ разъ сегодня я получилъ отъ Преосвященнаго Θεодора артось, но къ стыду своему не знаю, что это такое“. Думаю, его „не знаю“ надо понимать не въ литургическомъ, а въ догматическомъ и метафизическомъ смыслѣ.—Мы продолжали обсуждать разные литургическо-метафизическіе вопросы, Θεодоръ Дмитріевичъ видимо увлекался. Въ это время гостинничный корридорный, постучавъ въ дверь, напоминаетъ Θεодору Дмитріевичу, что онъ далъ обѣщаніе обѣдать съ А. А. Нейдгардтомъ и что кушанье подано. Θεодоръ Дмитріевичъ проситъ передать, что онъ сейчасъ придетъ, и опять увлекается разговоромъ. Снова является корридорный, на этотъ разъ передавая уже досаду обиженнаго компаніона. Θεодоръ Дмитріевичъ опять говоритъ что-то вродѣ „хорошо“, пожалѣлъ, что не зная о возможности свиданія, связалъ себя обѣщаніемъ, и снова собирался продолжать разговоръ, почему-то задѣвшій его за живое; но я поспѣшилъ проститься и уйти.—Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора получилось слѣдующее письмо:

IV.

Досточтимый отецъ Павелъ!

Приношу Вамъ живѣйшую благодарность за присылку „Богословскаго Вѣстника“, хотя, по правдѣ сказать, мнѣ чрезвычайно совѣстно пользоваться преимуществами связанными со званіемъ почетнаго члена академіи. Я вполне сознаю, что не имѣю никакихъ правъ на это почетное званіе и обязанъ избраніемъ лишь имени, которое ношу, и благосклонному отношенію ко мнѣ Преосвященнаго Θεодора, а также, можетъ быть, моему скромному участию въ Новоселовскомъ Кружкѣ, которому хотѣли оказать вниманіе. Вопросами богословскими я занимался всегда урывками и многое существенное въ этой области мнѣ незнакомо. Особенно чувствую свою неосвѣдомленность въ Писаніяхъ Святыхъ Отцовъ. Кстати, мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы пополнить одинъ важный пробѣлъ въ моихъ свѣдѣніяхъ, и я рѣша-

юсь воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ просить Васъ оказать мнѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую помощь. Я былъ бы очень признателенъ Вамъ, если бы Вы нашли возможнымъ указать мнѣ, какъ общались, книги, по которымъ я могъ бы познакомиться съ исторіей споровъ о Фаворскомъ свѣтѣ, съ дѣятельностью Григорія Паламы, съ ученіемъ Варлаама и съ Соборными постановленіями по этому поводу.

Простить себя не могу, что не остался ночевать у Троицы и не воспользовался этимъ случаемъ для обстоятельной бесѣды съ Вами. Не знаю, скоро ли теперь повторится подобный случай, а между тѣмъ безъ Вашихъ разъясненій я едва ли сумѣю разобраться въ тѣхъ, трудныхъ для меня, вопросахъ, которые выдвигаются книгами Иларіона⁹ и Булатовича¹⁰. Провести вечеръ съ Вами было бы даже благоразумнѣе, чѣмъ уважать въ переполненномъ пассажирами поѣздѣ, за который я едва достала билетъ. Большую часть дороги я принужденъ былъ стоять, и духота была такая, что почти неизбѣжно было простудиться при выходѣ изъ вагона. И все таки я радъ, что хоть на ходу Васъ видѣлъ и перекинулся двумя словами.

Прощайте. Будьте здоровы. Помоги Вамъ Богъ въ Вашихъ трудахъ.

Душевно Вамъ преданный

Оддоръ Самаринъ.

Затѣмъ у насъ были личныя свиданія въ Москвѣ. Слѣдующее въ хронологическомъ порядкѣ, письмо Феодора Дмитриевича не имѣетъ общаго интереса, но опять обрисовываетъ его внимательность и задумчивость. Прислано оно по поводу моего магистерскаго диспута, бывшаго 19-го мая 1914 г. Вотъ это письмо:

V.

26 Апрѣля 1913 г.

Досточтимый отецъ Павель!

Я слышалъ отъ М. А. Новоселова, что Вашъ диспутъ долженъ былъ состояться 19 мая. Собирался я пріѣхать на

⁹⁾ *Архимандритъ Иларіонъ*, На горахъ Кавказа. 2-е изданіе—Баталпашинскъ, Куб. обл., 1910 г.; 3-е изд.—Кіевъ.

¹⁰⁾ *Иеромонахъ Антоній (Булатовичъ)*,—Апология вѣры во Имя Божіе и во Имя Иисусъ. М., 1913.

этотъ день въ Лавру, чтобы Васъ послушать и чтобы быть свидѣтелемъ и до нѣкоторой степени участникомъ этого торжества. Къ сожалѣнію обстоятельства мои сложились такъ, что мнѣ не удалось осуществить этаго намѣренія, и мнѣ остается теперь лишь письменно привѣтствовать Васъ. Надѣюсь, что полученіе Вами степени не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны Святѣйшаго Синода и что выдающееся значеніе Вашего труда будетъ признано не только публикою и Совѣтомъ Московской Академіи, но и церковною властью.

Прошу Васъ принять мои задушевныя поздравленія и самыя искреннія пожеланія.

Глубоко Васъ уважающій и преданный Вамъ

Оеодоръ Самаринъ.

Наконецъ, остается еще одно письмо, полученное по такому поводу: какъ-то разъ, послѣ цѣлаго ряда оговорокъ, осенью 1914-го года, Оеодоръ Дмитріевичъ вручилъ мнѣ у М. А. Новоселова тетрадь рукописей своего сына Дмитрія Оеодоровича, содержащую нѣсколько философскихъ этюдовъ съ критикою марбургской школы. Оеодору Дмитріевичу хотѣлось узнать мое откровенное мнѣніе объ этихъ опытахъ своего сына и затѣмъ напечатать ихъ, „если они окажутся достойными того“. Его брало опасеніе, не ошибается ли онъ въ своей положительной оцѣнкѣ этихъ сжатыхъ и отвлеченныхъ трактатовъ. Врученное мнѣ я прочелъ съ интересомъ въ ближайшій же свободный день, но, желая перечитать ихъ болѣе внимательно, долгое время откладывалъ свой докладъ о нихъ Оеодору Дмитріевичу. Весною 1915-го года, уже послѣ экзаменовъ въ Академіи, эти заброски были возвращены мною, при личномъ посѣщеніи его, въ Москвѣ. Говорили мы о нихъ довольно долго, при чемъ Оеодоръ Дмитріевичъ, явно заинтересованный успѣхами своего сына, былъ особенно внимателенъ. Трогательна была въ немъ внутренняя борьба между скромностью и чувствомъ радости объ успѣхахъ сына; обычная сдержанность Оеодора Дмитріевича еле выдерживала напоръ отеческой любви. Въ нашей бесѣдѣ мною высказано было одобреніе прочитаннымъ мною наброскамъ,

а также удовольствіе, что когеніанство, весьма сильная и ядовитая система мысли, преодолевается тутъ изнутри,—диалектикой, стоящей на собственной почвѣ этой системы,—что одно только и можетъ быть убѣдительно,—и совѣтоваль напечатать эти опыты Дмитрія Теодоровича.

Далѣе, нашъ разговоръ повернулъ опять къ вопросамъ литургической метафизики и, въ связи съ этимъ,—къ нѣкоторымъ позиціямъ стараго славянофильства. Оправною и опорною точкою нашихъ обсужденій было понятіе *пресуществленія* Св. Тайнъ. Теодоръ Дмитріевичъ высказалъ характерное соображеніе противъ этого понятія, хотя и съ большими оговорками, а именно что было бы *ужасно*, въ смыслѣ чувства отвѣтственности, думать о случайно упавшей съ Престола крошкѣ Св. Тѣла или о смытыхъ водою съ устъ частицахъ Св. Крови—какъ о продолжающихъ быть таковыми. Я же полагалъ, что это ничуть не болѣе страшно, чѣмъ величайшій священный страхъ вѣры—Богоснисхождения и Боговоплощенія. Что Святыя Тайны могутъ быть, волею или неволею, пограны и осквернены, оставаясь при томъ Святыми Тайнами,—это не болѣе ужасно, чѣмъ весь подвигъ жизни и, въ частности, страданій и смерти Господа Иисуса Христа. Болѣе того, возможность уничтоженія Господа включаетъ въ себя и возможность пограния Его Св. Тѣла и Крови. Можно же, пріобщаясь Св. Тайнъ, дать лобзаніе „яко Иуда“; почему же *нельзя*, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, волею или неволею, уронить Св. Тѣло или пролить Св. Кровь? Въ нашемъ разговорѣ съ Теодоромъ Дмитріевичемъ мнѣ былъ хорошо понятенъ страхъ его предъ возможностью „суда и осужденія“. Страхъ этотъ свойственъ всякому вѣрующему, ставящему себя предъ лицомъ Господа,—всякому человѣку, не *понятіе* о Господѣ имѣющему въ виду, а Его Самого зрящему предъ собою очами вѣры. Но обращаться въ бѣгство отъ термина и понятія *пресуществленія* на этомъ основаніи—не соответствуетъ ли это, какъ если бы кто, перенесясь во времена земной жизни Иисуса Христа, сталъ отрицать Его Богосыновство, изъ боязни, какъ бы нечаянно, при корабельной качкѣ, напимѣрь, не толкнуть Сына Божія. Согласиться съ Теодоромъ Дмитріевичемъ, какъ ни былъ онъ умѣренъ и остороженъ въ своихъ сужденіяхъ, я никакъ не могъ.—

Въ этихъ и подобныхъ разговорахъ нѣкоторыя линіи

нашего расхожденія, бывшія недоговоренными въ предыдущіе разы, намѣтились съ большею опредѣленностію,—настолько живо, что и по пріѣздѣ моемъ въ Посадъ затронутыя темы стояли въ сознаніи. Водораздѣлъ всѣхъ подобныхъ разногласій мнѣ представился опредѣляемымъ такимъ вопросомъ:

„Должно ли, или невозможно, внѣ-литургическое почитаніе Св. Даровъ?“—Если мы признаемъ пресуществленіе, то явно, что не только можемъ, но и должны, входя на примѣръ въ алтарь не по литургическому требованію, поклониться Св. Тайнамъ, лежащимъ на Престолѣ, какъ Самому Богу. Для непризнающаго пресуществленія такое поклоненіе, въ лучшемъ случаѣ, необязательно, а вѣрнѣе, при отчетливости догматической мысли,—и недолжно, ибо есть идолопоклонство. Вотъ, полагаю, достаточный критерій для различенія церковнаго пониманія Тайнства Св. Тѣла и Крови отъ протестантскаго. Остальное—уже частности, или же непродуманность. Критерій же поклоненія Св. Тайнамъ *есть* культура стоитъ пограничнымъ столбомъ между церковнымъ и противоцерковнымъ толкованіемъ Тайнства.

Мнѣ стало ясно, что разговоръ о когеніанствѣ и разговоръ о таинствахъ—не два различныхъ разговора, а—одинъ, ибо наши съ Θεодоромъ Дмитріевичемъ разногласія въ вопросахъ литургическо-метафизическихъ происходятъ отъ скрытаго и недоговоренаго когеніанства, или уклона къ нему, со стороны самого Θεодора Дмитріевича. Въ этомъ смыслѣ, движимый этими и подобными мыслями, я написалъ ему письмо. „Поэтому.—приблизительно такъ писалъ я—, считалъ бы я особенно своевременнымъ издать опыты Вашего сына, доводящіе до конца и дѣлающіе усиліе внутренне побѣдить тотъ недугъ, который гораздо распространеннѣе, чѣмъ это обычно полагаютъ, и, вслѣдствіе своей неосознанности, особенно опасенъ“.—Въ отвѣтъ на мое письмо, Θεодоръ Дмитріевичъ писалъ слѣдующее:

VI.

21 Мая 1914 г.

Досточтимый Отецъ Павелъ!

Усердно прошу у Васъ прощенія за крайнюю запоздалость моего отвѣта. Письмо Ваше получено слишкомъ девять дней

тому назадъ, я все время стремился Вамъ отвѣчать, даже принимался писать; но для меня теперь написать маленькую записочку—цѣлое событіе и не малый трудъ, а диктовать это письмо мнѣ не хотѣлось. Въ другой разъ будетъ уже легче, надѣюсь.

Прежде всего благодарю Васъ горячо за Ваше доброе вниманіе къ попыткѣ моего сына обосновывать свое разномысліе съ Марбургскою философскою школою. Сынъ мой, къ сожалѣнію, теперь находится въ дурномъ настроеніи и, кажется, не хочетъ печатать своихъ „набросковъ“, вѣроятно, сознавая ихъ необработавность. Думаю однако, что передъ этимъ останавливаться не слѣдуетъ: настроеніе можетъ перемениться, и въ печатномъ видѣ этотъ небольшой опытъ будетъ встрѣченъ самимъ авторомъ болѣе благопріятно.

Если я вѣрно Васъ понялъ, то небольшая работа сына моего представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ попытка борьбы съ недугомъ, который таится даже въ людяхъ не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ Когеніанствомъ. Такимъ недугомъ, мною самимъ несознаваемымъ, Вы объясняете, кажется, нѣкоторыя изъ высказанныхъ мною мыслей.

Я не рѣшусь, конечно, утверждать, что Вы неправы. Напротивъ, я готовъ допустить, что при крайне поверхностномъ знакомствѣ моемъ съ философскими ученіями я легко могу грѣшить именно тѣмъ бессознательнымъ философствованіемъ, о которомъ Вы говорите, и потому могу невольно принимать за нѣчто, данное непосредственнымъ религіознымъ сознаніемъ, ученія, враждебныя вѣрѣ. Могу только сказать: да избавить отъ этого Богъ! Помощь людей болѣе свѣдущихъ и болѣе зрѣлыхъ духовно я приму, конечно, съ радостью и благодарностью. Въ частности отъ Васъ былъ бы счастливъ получить опредѣленные и обоснованные указанія на свои невольныя и, можетъ быть, несознанныя ошибки и заблужденія.

При всемъ томъ, однако, мнѣ кажется, что выяснить сущность и размѣры моихъ заблужденій можно было бы только путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго обмѣна мыслей. Между тѣмъ мы съ Вами бесѣдовали всего какихъ-нибудь три-четыре раза и при томъ наши разговоры постоянно были, прерываемы разными случайными, посторонними обстоятель-

ствами. Не въ этомъ ли между прочимъ отвѣтъ на вопросъ Вашъ: „Почему мы не можемъ столковаться?“—Да, можетъ быть, просто потому, что не толковали какъ слѣдуетъ?—Съ радостью раздѣляю Вашу надежду, что несогласіе—не отъ различія вѣры и не отъ недостатка любви. Думаю, что оно происходитъ отъ различнаго пониманія одного и того же или различнаго способа выраженія однихъ и тѣхъ же понятій.

Надо ли говорить, что и такія разномыслія, даже незначительныя, повидимому, должны быть всячески устраняемы? Мы испрашиваемъ „соединенія вѣры“, какъ благодатнаго дара свыше, но, конечно, и сами должны трудиться по мѣрѣ силъ надъ достиженіемъ этой великой и святой цѣли; иначе суетна будетъ наша молитва. Скажу вмѣстѣ съ Вами въ подобныхъ случаяхъ: „плохого мира быть не должно“. Меня лично такая недоговоренность и неясность между близкими людьми всегда тяготила, и въ этомъ заключалась главная причина, почему мнѣ казалось полезнымъ учрежденіе того кружка, который спланивается около Мих. А. Новоселова. Къ сожалѣнію, намѣченная мною задача была вскорѣ подмѣнена другими, не менѣе, можетъ быть, важными и почетными, но не столь отвѣчающими моей душевной потребности. Былъ бы счастливъ, еслибъ Вы дали толчекъ возрожденію дѣятельности кружка въ первоначально намѣчавшемся направленіи.

Прощайте и простите, что такъ замедлилъ отвѣтомъ и, можетъ быть, невѣрно Васъ кое въ чемъ понялъ.

Поручаю себя молитвамъ Вашимъ и усердно кланяюсь.
Душевно Вашъ

Федоръ Самаринъ.

Сообщилъ Священникъ Павелъ Флоренскій.
